

ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
RARY.RU

ПОСТПРАВДА И ПОСТМОДЕРНИЗМ

ПОСТПРАВДА: СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

КОВАЛЕНКО В.Д.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Тип: статья в сборнике трудов конференции Язык: русский Год издания: 2017

Страницы: 99-102

ИСТОЧНИК:

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием.

Под редакцией О.В. Поповой. 2017

Издательство: ООО "Скифия-принт" (Санкт-Петербург)

КОНФЕРЕНЦИЯ:

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ И ПОПУЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Санкт-Петербург, 22-23 сентября 2017 г.

Организаторы: Санкт-Петербургский государственный университет

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ:

Входит в РИНЦ®: да

Входит в ядро РИНЦ®: нет

Входит в Scopus®:

Входит в Web of Science®:

Норм. цитируемость по направлению:

Цитирований в РИНЦ®: 0

Цитирований из ядра РИНЦ®: 0

Цитирований в Scopus®:

Цитирований в Web of Science®:

Дециль в рейтинге по направлению:

Science Index

ИНСТРУМЕНТЫ

- ▶ Вернуться в список публикаций автора
- ▶ Следующая публикация
- ▶ Предыдущая публикация
- 📄 Загрузить полный текст (PDF, 15,1 Mb)
- ▶ Список статей в Google Академия, цитирующих данную
- ▶ Добавить публикацию в подборку:

Моя

* Данная публикация входит в список моих работ

- ▶ Редактировать Вашу заметку к публикации
- ▶ Обсудить эту публикацию с другими читателями

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**Сборник материалов по итогам
Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Политика постправды и популизм
в современном мире»
22–23 сентября 2017 года**

Санкт-Петербург
2017

УДК 32
ББК 66
П50

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Д.П. Гавра (СПбГУ)
доктор социологических наук, профессор А.Ю. Сунгуров (НИУВШЭ)

П50 **Политика постправды в современном мире.** Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года / под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2017. — 282 с.

ISBN 978-5-98620-306-5

В сборнике представлены текстов докладов, сделанных участниками всероссийской конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире», которая прошла 22–23 сентября 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Инициаторами и организаторами конференции выступили преподаватели кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ.

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-98620-306-5

© Авторы, 2017

© Санкт-Петербургский государственный
университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Алиаскарова Ж.А. Идеология популизма: исторические трансформации и современная практика	7
Антанович Н.А. Конфликтный дискурс и политический цинизм	10
Ачкасов В.А. «Популизм идентичности» в современной Европе	12
Балаян А.А. Политизация Интернета как угроза «монополии на правду» в транзитивных политических системах	15
Баранов А.В. Ориентации и практики левого популизма в Южной Европе (на материалах партий «Подemos» и «СИРИЗА»)	17
Баранов Н.А. Популизм как политический феномен	21
Берендеев М.В. Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе (Россия в польском кейсе)	24
Беспалов А.А. Маскулинность как имидж и средство в политике постправды (на материалах президентских предвыборных кампаний в России, Европе и США в 2007–2017 гг.)	27
Богатова А.В. Популистские практики в избирательной кампании Д. Гудкова и Г. Онищенко (2016 г.)	28
Бойко С.И. Постсоветская постправда: аспекты проектирования устойчивого развития	32
Борисова О.В. Постправда как способ манипуляции общественным сознанием в современной России	35
Бортников Н.А., Пунгина А.П. Визуальный политический интернет-мем как инструмент постправды	38
Будко Д.А. политический популизм и популярная культура: забава или повестка дня?	40
Буранов М.М. Сетевая информационная среда и политика «постправды»	42
Быков И.А. Новые горизонты медиатизации политических процессов: случай Эммануэля Макрона	44
Варакса А.Н. Власть дискурса как новая объективная реальность в мировой политике	46
Варенцова О.Б. Почему в России нет популистских партий?	49
Ветренко И.А. Технологии современного популизма в период выборов	52
Вишневский Б.Л., Балаян А.А. Цена тотальной постправды: российские масс-медиа как зеркало гиперреальности	55
Волков В.А. Популизм как проблема политической экологии	58
Волкова А.А. Визуализация правого популизма в преддверии парламентских выборов в Германии	59
Волкова А.В., Курочкин А.В. Политико-культурные основания современных коммуникативных стратегий в публичной политике России	62
Гайко О.В. Постправда в политическом медиадискурсе на примере изданий «Российская газета» и «Парламентская газета»	65
Гливенко В.О. Трансформация российского и европейского популизма на рубеже XX–XXI веков	67

Глухова А.В. Постфактичность как она есть: кто защитит реальность?	69
Гуторов В.А. Постправда как фактор эволюции современного идеологического дискурса: политико-философские аспекты	73
Жаде З.А. Политическая реклама в контексте политики постправды	76
Завершинский К.Ф. Политика постправды как «реинкарнация» мифического в современных практиках политической легитимации	79
Зайцев С.Ю. Современный кинематограф как инструмент политики постправды	83
Зиновьев А.О. Популизм и тирания: случай Фердинанда Маркоса в сравнительной перспективе	86
Зотова Е.В. Взаимосвязь феноменов популизма и постправды в общественной жизни (на примере Российской Федерации)	88
Ирхин Ю.В. Практики и технологии популизма и постправды в президентских выборах (на примере США и Франции)	90
Казаринова Д.Б. Популизм и глобальный порядок	93
Канюков А.Н. Политическое доверие в дискурсе «постправды» XXI века	97
Коваленко В.Д. Постправда: субъективность и постмодернизм	99
Колесников В.Н. Специфика формирования актуальной повестки дня в современной России	102
Консон Г.Р. Современная академическая традиция в России и зарубежье: <i>quid est veritas?</i>	106
Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Историческая постправда и ее влияние на формирование гражданской идентичности российской молодежи	110
Крылова Е.А. Феномен партии «Альтернатива для Германии» на выборах 2017 г.	113
Кузина С.И. Постправда в процессах формирования политического имиджа России	115
Кузьмин А.Г. Явление лингвофричества в неоязыческом направлении движения современных русских националистов: опыт анализа	119
Куманичкин П.С. Неопопулистская волна в постсоциалистических государствах Восточной Европы: причины, особенности, перспективы	124
Курков В.Н. Политика постправды как инструмент дискредитации России в сети Интернет	127
Ланцов С.А. Популизм в политике: структурные ограничения и возможные риски	130
Лукьянова Г.В. Медиатехнологии конструирования постправды	132
Макарин А.В. Бюрократическая антиполитика	134
Мартьянов Д.С. Факторы политики постправды и неовиртуальность	137
Михайлов А.А. Постправда и историческая политика	139
Мораев Ф.В. Феномен постправды в повседневной работе пресс-служб региональных органов исполнительной власти (на примере Ленинградской области)	141
Мутагиров Д.З. Социально-политические последствия популизма	142
Мчедлова М.М. Эпистемологическая проекция феномена «постправды»	146
Неверов К.А. Современный латиноамериканский популизм	148
Негров Е.О. Фейк как системообразующий признак политического дискурса: трансформация основных трансляторов	151
Гиматудинова А.С., Нехаенко А.С. Референдум как инструмент политики популизма в современном мире	155
Никипорец-Такигава Г.Ю. Big Data и новые инструменты популизма в избирательных технологиях	158
Новиков К.А. Риторика Джереми Корбина по отношению к ЕС: от антиевропейского популизма к проевропейскому	160
Онопко О.В. Военная пропаганда в условиях политики постправды: донбасский кейс	161

Павроз А.В. основные тренды мягкой политической пропаганды в России	165
Пашковский Е.А. Феномен успеха популистских партий в Польше в 2011–2017 гг.	167
Peycheva A.A. Populist Discourse: Populist Ideology and its Contemporary Problem	169
Полагутина Л.В. Социальные и этические аспекты постправды в сетевом обществе	172
Полякова Н.В. Феномен многообразия популизма (на примере современной Франции)	175
Попова О.В. Политологические научные тексты в эпоху «постправды»: риски идеологизации	178
Приколота М.Д. Постправда в контексте послевоенных критических политических теорий	182
Пшизова С.Н. Управление политическими коммуникациями как вызов современной демократии	184
Раджапова Н.С. Последствия применения популистских технологий в российской политике	188
Радиков И.В. Популизм как способ трансформации политического страха в «плавающем» обществе	190
Ребров С.А. «Постправда» как элемент символической политики: советская и постсоветская практики	194
Реут О.Ч. Исследование популизма в контексте коммуникативного и цифрового поворотов	196
Рожнева С.С. Национальная идея патриотизма как дискурс популизма	199
Рябова Т.Б. Восстановление «традиционного гендерного порядка» в российских дискурсах популизма	203
Сафонова О.Д. Популизм как характеристика деятельности институтов современной избирательной системы	205
Свиридов А.В. Постмодерн и постправда в контексте геополитических трансформаций	208
Сдельников В.А. Основные вызовы международной имиджевой политики России	212
Серавин А.И. Значимость гибридной правды для самоорганизации горожан в сетевом обществе на примере Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г.	215
Сингаевский В.Н. Модернизация техники пропаганды в современных условиях	219
Смаль С.В. Технологии формирования «постправды»: политико-конфликтологический аспект	222
Сопов И.А. Симулякры в избирательной кампании (на примере программы «Тень выборов»)?	226
Тимофеева Л.Н. СМИ в условиях доминирования политики постправды	226
Томин Л.В. Условия возникновения и механизмы функционирования идеологии популизма в современном мире	230
Трофимова И.Н. Популизм в электоральных предпочтениях россиян	234
Тульчинский Г.Л. Радость/печаль узнавания позитивизмом «постправды» и возможности ее фильтрации	238
Ульянова Д.А. Феномен постправды в политике поддержки российского бизнеса: правовой и политический аспект	241
Филиппова Н.А. Популизм: функции в контексте модернизации обществ	243
Харкевич М.В. Постправда как политическая архаика 2.0: кейс публичной дипломатии	247
Фархан Еияс Аль-Хатиб Современный популизм: особенности и риски	249
Хохлова Д.Д. Рождение постполитики: эфемерность, постправда и популизм	253
Черушников И.Д. Постправда как инструмент борьбы за власть во время внутривнутриполитического кризиса	256

Шашкова Я.Ю. Популизм в партийно-электоральных процессах российских регионов	258
Щербинин А.И. У истоков «постправды». Об уникальности президентской кампании 2016 г. в США	261
Щербинина Н.Г. Правда и постправда как информационно-политические феномены	265
Яганова П.А. Информационная стратегия Первого канала в условиях доминирования политики постправды	268
Яковлева И.В. Феномен «фейковых» новостей: новое или хорошо забытое старое?	270
Сведения об авторах	275

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

двух ведущих имиджевых образов президента. Выступление строится на обещаниях и эмоционально положительно окрашенных словах. Подчеркивается противопоставление негативного политического опыта граждан, живших под контролем прежнего истеблишмента, и обещаний радикальных изменений.

Если сравнивать оба выступления, то они, возможно, в силу жанра инаугурационной речи, имеют высокую степень популизма и минимальные отсылки к рациональной аргументации. В одном случае делается ставка на достижения и патриотические чувства, что характерно для уже действующего должностного лица, в другом случае — на обещания защиты интересов общества в противостоянии истеблишменту и разным силам во внешней политике, которые мешают титульной нации жить счастливо.

В рамках доклада, помимо эмпирического анализа инаугурационных речей, представлены теоретические положения для осмысления феномена политического доверия в условиях «постправды», позволяющие проследить истоки современного взгляда на политический дискурс, который строится на основе конфликта и предельно субъективен. Для анализа дискурса предложена методика ЭМОИ, направленная на выявление способов воздействия на формирование политического имиджа и доверия к нему.

Литература

Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. — Харьков: Гуманитарный центр, 2014. — 444 с.

Лакан Ж. Психозы (семинар, книга III (1955/1956)) / пер. с фр. А. Черноглазова. — М.: Гнозис, 2014. — 432 с.

Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. — 638 с.

Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. — 6th ed. — Dublin, Zurich: Weidmann. — 3 vols. — 1951–1952. — 1592 p.

В.Д. Коваленко (Санкт-Петербург)

ПОСТПРАВДА: СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Сама природа феномена «постправды» как новой политико-философской категории является крайне ненормативным феноменом. Понятие «постправда», или «post-truth», по определению Оксфордского словаря, семантически означает «прилагательное, определяемое как относящееся к или обозначающее обстоятельства, при которых объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личной вере» (Word of the Year 2016... 2016). Семантика данного термина совпадает с самой его происхождением (на странице термина в Википедии утверждается, что первым эту категорию ввел некий блогер на сайте «grist» (Post-truth politics, 2010). Так это или нет, решительно нельзя выяснить, что в своем роде является уже постправдой и может только приниматься на веру. Выведенные на передний план фигуры веры и эмоций, дезавуирующее категорию «объективность» (исходящую из эпохи Просвещения) синонимичны с общей политико-философской парадигмой современности — с постмодернизмом, чья «...позиция демонстрирует недвусмысленный скептицизм по отношению к тому общему пониманию человека и общества, которое стало следствием стремления эпохи Просвещения трактовать действительность на основе объективности (или системной субъективности), разумности и универсальности» (Мусихин, 2013, 104).

В этом противоречии веры и рациональности / эмоций и объективности лежит главный конфликт между идеологиями модерна, его рационалистическими и объективными установками и постмодернистской парадигмой. Подобное смещение акцентов в философии, как следствие, и в «духе времени» (если понимать под этим определение по Гегелю), мы видим в двух процессах: а) появления философии Ф. Ницше как предвестника постмодернизма (Емелин, 1999); б) победа картезианства в европейской мыслительной парадигме. В первом пункте мы не будем разбирать предвещание постмодернизма в философии Ф. Ницше, поскольку данная работа была бы весьма объемна. Однако, если *«возможно, вся европейская философия — лишь набор комментариев к Платону»*, то осмелимся добавить, что вся европейская философия с середины XIX века — набор комментариев к Ницше. В контексте феномена «постправды» крайне важным является то, для Ницше понятие «истина» — «движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, — короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными: истины — иллюзии, о которых позабыли, что они таковы; метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными; моменты, на которых стерлось изображение и на которые уже смотрят не как на монеты, а как на металл» (Об истине и лжи...). Ф. Ницше определяет мир как интерпретацию, мир явлений для него — это мир становления, «гераклитов поток», в котором всё течёт и изменяется» (Звездина, Корнилова, Ланцова, 2011, 275–280), «тем самым человек — только интерпретатор и истолкователь мира явлений» (там же).

Ж. Лакан, Л. Альтюссер, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Серр, Ж-Ф. Лиотар, Ж.Л. Нанси, Ф. Лаку-Лабарт, Ф. Гваттари, считающие Ф. Ницше своим предшественником, довели его учение до Абсолюта. Мы не зря упомянули Платона, потому что, если в его учении «истина» была объективно задана и существовала, то в учении Ницше и парадигме постмодерна истина невозможна в принципе, как категория она сводится к интерпретации. Подобное размывание понятия «истина», вольная трактовка явлений в мире и событий этого мира, впитавшихся в «дух времени», и есть предтеча современного феномена постправды, однако без следующего пункта оно было бы невозможно. Проблема картезианства заключается в унификации мира в контексте конкретного субъекта. Сама фраза «Cogito, ergo sum» выводит на передний план не сущность мира, не его данность, не феномен бытия, а именно мысленные операции и мышление как таковое. Поэтому, вполне возможно, благодаря картезианству и возникает одиозное явление империализма, изничтожения коренных народов — не по религиозным и экономическим воззрениям, а исключительно потому что в этих воззрениях заложена центральность мыслящего субъекта. В работе «Ориентализм» Э. Саид упоминает, что «...обеспечивало эту культурную гегемонию как внутри, так и вне Европы: идея европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами. Вдобавок ко всему существует гегемония европейских идей по поводу Востока, сама утверждающая снова и снова превосходство Европы над восточной отсталостью, как правило, не допускающая возможности того, что некий более независимый или скептически настроенный мыслитель может иметь и другие взгляды по этому поводу» (Саид, 2006, 13).

В данном контексте необходимо упомянуть М. Хайдеггера, который, поднимая проблему «технизации» человечества, пользуясь феноменологией Гуссерля, сместил акцент с мыслящего субъекта на бытие (Зейфрид, 2002), актуализировав феномен «техноморфизма» (Маливский, 2013, 14–22), отмечая, что его дальнейшее

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

распространение ведет к деформации природы человека (там же). Здесь мы осмелимся сделать акцент на том, что «постправда» является продуктом картезианства, как выделение «*cogito*», вместо «*sum*». Однако сама природа «технизации» и «техники» исследовалась не одним М. Хайдеггером; в работах середины XX века «Совершенство Техники» и «Машина и Собственность» Г.Ф. Юнгер акцентировал внимание на подчинении человека технике, на власти технических алгоритмов над человеком (Юнгер, 2003, 615). Данные утверждения были сделаны около 70 лет назад. Если мы обратимся к современной технике, которая с ее возможностью мгновенно получать информацию из любой точки мира и делиться данной информацией становится серьезным способом власти и подчинения. Так, современная техника привносит в жизнь следующие явления: а) у людей нет возможности проверить сведения, которые им поставляются СМИ; б) на фундаменте первого пункта появляется возможность дискретизации информационного поля по линии трактовки и интерпретации каких-либо событий. Так, по данным eMarketer к 2018 г. в мире будет порядка 2,5 миллиардов смартфонов (2 миллиарда потребителей..., 2016), а агентство CNET еще в 2014 г. сообщило о том, что «количество активных смартфонов и планшетов превысило население Земли» (Количество активных..., 2017).

Получается, что в условиях современности мы имеем огромное количество технических устройств, способных связывать между собой людей по всему миру по разным интересам – от сексуальных извращений и транснационального терроризма до коллекционирования плюшевых мишек в обход всякого контроля со стороны государства и общества. Техника ушла достаточно далеко, в отличие от общественного развития людей. Подобная стихийная выработка ассоциаций и сетевых сообществ порождает в обществе постоянное создание новых сетей и их постоянное разрушение, создание новых «нарративов» и их «снятие».

Когда в Санкт-Петербурге произошел теракт 3 апреля 2017 г., стихийно появлялись сообщения о взрывах на прочих станциях метро, вырабатывающихся внутри небольших сетевых сообществ и уносящиеся дальше в сеть. В условиях развития техники и информационных технологий человек впадает в ситуацию отчуждения от реальности, он выброшен из реального мира и не может проверить подаваемые ему сведения. Человек может только принимать их на веру либо не принимать. Выбор информации заключается теперь не только в объективности, проверке и дифференциации сведений, а в принятии или не принятии на веру той или иной интерпретации событий или сообщения о событии вообще.

Постправда – это не явление в полной мере институциональное или политехнологическое, хотя и такое тоже, постправда – это продукт долгого развития и превалирования субъективности и интерпретации мира в отрыве от самого мира. Вся информация в парадигме постмодерна становится постправдой, которая созвучна с «симулякром» Бодрийара. Проблема в том, что интерпретируемая реальность все больше начинает подаваться в качестве апелляции к эмоциям и вере (здесь можно привести пример интернет-агитации Навального, которая построена на призыве к эмоциям и четкой дуальности «хороший–плохой»). Главное в информации – эпатаж, образ и соответствие определенной парадигме без оглядки на реальность. Так, руководитель ведомственной науки и советник министра по научной работе министерства Алии и интеграции Израиля, профессор отделения политологии и изучения Ближнего Востока Университета А.В. (Зеева) Ханин в лекции для студентов Института социально-философских наук и массовых коммуникаций и Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета сказал, что, «когда в 2013-ом году случилось

ПОЛИТИКА ПОСТИПРАВДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

то, что случилось, да, в Сирии режим Асада использовал, как принято считать, что они отрицают, тогда масштабно использовал химическое вооружение, скажем так, второе, после применения Саддамом Хусейном масштабное использование химических вооружений против своих политических противников, понятно, там пострадало гражданское население. В Дамаске то, что это они отрицали, но, так сказать, в данном случае, не мне вам рассказывать, особенно господа журналисты прекрасно знают, что иногда виртуальная реальность она не менее реальна, чем физическая» (Ближневосточная политика..., 2017). Можно констатировать, что правда как объективная истина, как соответствие реальности заменяется формой эрзац-религии в виде комплексной веры в те или иные сообщения, советуемые представлениям реципиента.

Литература

2 миллиарда потребителей по всему миру обзаведутся смартфонами к 2016 году // BYYD. – URL: http://www.byyd.me/ru/blog/2015/06/2_bln_consumers_worldwide_to_get_smartphones_by_2016/ (дата обращения 08.07.2017).

Post-truth politics // grist. – URL: <http://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (дата обращения 07.07.2017).

Word of the Year 2016 // English oxford living dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения 07.07.2017).

Ближневосточная политика в «эпоху Трампа» — взгляд из Иерусалима. Лекция 3. Ханина. 24.04.17 // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8CWne66jtus&t=304s> (дата обращения 08/07/2017).

Емелин В.А. Ницше и постмодернизм // Социальная философия и современность. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – URL: <http://emeline.narod.ru/nietzsche.htm> (дата обращения 08/07/2017).

Звездина А.А., Корнилова Г.И., Ланцова И.В. Мир как интерпретация // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 1 (48). – С. 275–280.

Количество активных смартфонов и планшетов превысило население Земли // TJ. – URL: <https://tjournal.ru/p/more-phones-than-people> (дата обращения 08.07.2017).

Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне / Пер. с англ. Н.М. Потапова. – М.-Л.: Изд-во военной политической литературы, – 1929. – 200 с.

Маливский А.Н. Хайдеггер Об антропологических интенциях философствования Декарта // антропологічні виміри філософських досліджень. – 2013. – № 3. – С. 14–22.

Мусихин Г. Очерки теории идеологий. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2013. – 365 с.

Об истине и лжи во вненравственном смысле // Фридрих Ницше. – URL: <http://nietzsche.ru/works/other/about-istina/> (дата обращения 08.07.2017).

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Миръ», 2006. – 640 с.

Томас Зейфрид Хайдеггер и русские о языке и бытии // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 53. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/zeif-pr.html> (дата обращения 08.07.2017).

Юнгер Г.Ф. Совершенство техники. – СПб.: Владимир Даль, Фонд "Университет", 2003. – 615 с.

В.Н. Колесников (Санкт-Петербург)

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АКТУАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современная наука выработала несколько концептуальных подходов к проблематике политической повестки дня – ее сущности, условий и технологий ее разработки, роли различных политических субъектов в этом процессе и т.п. В широком контексте политическая повестка дня предстает в аналитическом дискурсе как совокупность актуальных социальных проблем, отражающих потребности общества или отдельных групп интересов, на которые субъекты государственного управления готовы обратить внимание и способны реагировать (Ямалнеев, 2015). В практическом плане повестка дня увязывается со способностью и готовностью